

ОБ ОДНОЙ ГЕНИАЛЬНОЙ ОШИБКЕ

Попадая в зону волшебства большого писателя (то есть под обаяние его текста), мы зачастую не замечаем некоторые фактические шероховатости или, если склонны к детальному анализу, начинаем искать оправдания ошибке любимого автора. Такой попыткой оправдания, видимо, и станет эта статья.

У Умберто Эко мы читаем следующее: «Один из основополагающих художественных законов исторического романа заключается в том, что, при любом количестве вымышленных персонажей, все остальное в нем должно более или менее соответствовать тому, что происходило в описываемый период в реальном мире»¹. Конечно, допуск фигуры «более или менее» связан с состоянием исторической науки на момент создания романа или, во всяком случае, с особенностями читательского восприятия. Последнее хорошо показано в стихотворении Д. Самойлова «Свободный стих» («В третьем тысячелетье...»), где Пушкин едет на прием к Петру Первому в автомобиле, который ведет крепостной шофер Савельич. У нас же речь пойдет о весьма известном в истории событии — казни Иисуса Христа, точнее, о человеке, которого в тот раз не казнили, о разбойнике Варавве. О том, что такой человек был, мы узнаем из Евангелий: «Был тогда у них известный узник, называемый Варавва» (Матфей, 27,16); «Тогда был в узах некто, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство» (Марк, 15, 7); «Варавва был посажен в темницу за произведенное в городе возмущение и убийство» (Лука, 23, 19); «Варавва же был разбойник» (Иоанн, 18, 40). В «историческом» романе мастера из «Мастера и Маргариты» (а он, напомним, по профессии историк, поэтому и роман в романе можно смело считать историческим — даже с учетом, что и Воланд называет себя историком, правда, довольно глумливо) этот персонаж получает такую характеристику: «Таким образом, к смертной казни, которая должна совершиться сегодня, приговорены трое разбойников: Дисмас, Гестас, Вар-равван и, кроме этого, этот Иешуа Га-Ноцри. Первые двое, вздумавшие подбивать народ на бунт против кесаря, взяты с боем римской властью, числятся за прокуратором, и, следовательно, о них здесь речь идти не будет. Последние же, Вар-равван и Га-Ноцри, схвачены местной властью и осуждены Синедрионом»². Перед нами — косвенная речь, передающая реплику Пилата. Далее, опять же из пересказа речи Пилата, мы узнаем, что Вар-равван прямо призвал к мятежу и убил стража при аресте. Если сопоставить все данные из Евангелий и отнестись к ним умеренно критически, то есть принять на веру то, что наиболее вероятно,

---

Вадим Пугач родился в Ленинграде в 1963 году. По профессии — учитель словесности; кандидат педагогических наук; сейчас преподает в СПбГУ разные дисциплины, так или иначе связанные с педагогикой. Автор нескольких поэтических книг и одного романа, а также нескольких десятков публикаций в России и за рубежом. Председатель секции поэзии СП СПб. Живет в Санкт-Петербурге.

¹ У. Эко. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб., 2007. С.198—199.

² М. Булгаков. Избранное. М., 1988. С. 38.

можно сказать, что в целом Варавва охарактеризован мастером правдоподобно. Варавва не просто разбойник, а идейный мятежник, не принимающий римской власти и эллинского язычества. Не совпадает одна деталь — имя. Откуда же Булгаков взял Вар-раввана вместо Вараввы? Допустим, что это прием, так называемое остранение, ведь и Иисус у него не Иисус, а Иешуа, на арамейский лад. Именам разбойников в романе Булгакова посвящена небольшая статья Е. Ю. Колышевой (Имена разбойников Дисмас, Гестас, Вар-Равван в контексте творческой истории романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 3: в 3-х ч. Ч. 3. С. 107—108), в которой указаны основные источники Булгакова (словарь Брокгауза и Ефрона, Э. Ренан, Ф. В. Фаррар) и цитируется версия В. Д. Кулешовой, близкая к нашему предположению. Мастер (через автора) не хотел, чтобы его текст звучал как пересказ Евангелий. При этом Брокгауз и Ефрон переводят имя Варавва как «сын Аввы», а Ренан использует форму Вар-раввин (у Фаррара Бар-Раббани) со значением «сын раввина».

Вспомним, какие языки знал мастер: он говорит об этом Ивану Бездомному. Среди этих языков нет древнееврейского. Однако самое поверхностное представление об этом языке выводит читателя к тому, что имена Варавва и Вар-равван не только не одно и то же имя, но они даже не однокоренные. Вар-авва не просто сын какого-то Аввы. Авва — это отец по-еврейски. То есть он сын отца. Что-то должно подсказать нам, что в истории не было ни одного сына, который бы не был сыном отца. Это значит, что имя Вараввы могло принадлежать любому мужчине и, по сути дела, даже не является именем собственным (что-то вроде имярека). Называя сына Вараввой, отец как бы отказывает ему, так сказать, в собственном имени и в имени собственном. В русском языке есть аналогия: когда кто-то, не зная отчества собеседника, хочет подчеркнуть иронию по отношению к нему, он может назвать его, например, «Иван Батькович». Варавва — аноним, любой, кто угодно. И тогда евангельский эпизод сводится к тому, что первосвященники, подсказавшие народу решение, готовы предпочесть Иисусу кого угодно, неважно, что он там совершил и за что был осужден.

Отметим, что сам Иисус то и дело называет себя «Сын человеческий». Это по степени обобщения очень похоже на Варавву (поэтому Фаррар и выстроил ошибочную теорию о том, что Иисус и Варавва — одно лицо), но, надеюсь, мы помним, что человеческое происхождение Иисуса связано не с отцом (то есть Отцом — и тут он Сын Божий), а с матерью. И в этом смысле он не совпадает с Вараввой, а противопоставлен ему.

Надо отметить, что авторы книги «Москва—Ершалаим: Путеводитель по роману М. Булгакова „Мастер и Маргарита“» Г. А. Лескис и К. Н. Атарова объясняют ситуацию немного иначе — тем, что ошибочный вариант «Вар-Равван» Булгаков заимствует у Ренана. То есть перед нами ошибка Ренана (да и Фаррара тоже). В чем же ошибка? Вар-Равван должен переводиться как «сын Учителя». И тут самое время обратиться к еще одному источнику. До сих пор мы оставались в пределах христианского культурного поля, но, как показывает перевод этих двух имен, нельзя игнорировать и иудейскую традицию, из которой христианство и выросло.

Итак, берем в руки еврейский «Трактат отцов» — сборник изречений иудейских мудрецов с комментариями ребе Пинхаса Кегати. И обнаруживаем любопытный факт. Был такой рабби (учитель) Гамлиель, внук мудреца Гиллеля, того самого, который в годы, совпадающие со временем рождения Иисуса, основал фарисейское течение религиозной еврейской мысли и противопоставил его саддукеям — последователям мудреца Цадока. Именно Гамлиель был первым, «к чьему имени присоединен титул „Раббан“ (учитель наш)»³. Итак, если раввин — учитель, то раббан — учитель наш. С. М. Дубнов в «Краткой истории евреев»⁴ пишет о нем: «В царствование Агриппы I во главе иерусалимского

³ Трактат Авот, Иерусалим, 1984. Мишна 16. С. 53.

⁴ <https://jhist.org/code/dubnov19.htm>.

Синедриона стоял Гамлиель I, внук великого законоучителя Гиллеля. Гамлиель мудро руководил деятельностью Синедриона, приспособляя законодательство к потребностям жизни. Одним из учеников Гамлиеля был Саул из Тарса, который впоследствии отпал от еврейства и сделался главным апостолом христианства, под именем Павла». Сопоставим некоторые данные. Гамлиель умер в 52 году н. э., у него был сын Авив (Абибон), наследовавший его место в Синедрионе. Именно он — и только он — имел в середине I века н. э. право носить имя Вар-равван, потому что равван (учитель наш) — титул его отца, тогда же и появившийся. Но об Авиве в качестве мятежника и убийцы ничего не известно. Делаем единственный вывод: человека, носящего в 30-е годы имя Вар-равван, в Иерусалиме быть не могло. Вараввой же могли назвать, как мы уже выяснили, кого угодно...

И еще немного о Гамлиеле. Один из его учеников обращается в христианство и становится апостолом, а сам он под именем Гамалиила почитается как христианский святой. В «Деяниях святых апостолов» его имя упоминается дважды. Он способствует вызволению арестованных в Иерусалиме апостолов (Деяния, 5, 33–40), а затем Павел говорит о своем ученичестве у него (Деяния, 22, 2–3). Возникла даже легенда о том, что в конце жизни он был крещен, но это именно легенда, не подтверждаемая еврейскими источниками.

Не исключено, что именно фигура Гамлиеля-Гамалиила и преобразование Саула в Павла были той точкой бифуркации, после которой пути иудаизма и христианства стали заметно расходиться. Даже после казни Иисуса его учение воспринимали как одно из направлений иудаизма (собственно, ессеи, от которых он оттолкнулся, и были таким направлением; см. по этому поводу книги И. С. Свенцицкой), и только после быстрого распространения христианства в Римской империи различия, благодаря тому, что иудаизм центрирован, а христианство центробежно, стали заметны. Сесиль Рот, автор книги «История евреев»⁵, считает, что распространение христианства (само это слово было поначалу пренебрежительным названием, которое последователям Иисуса дали язычники) связано с исключительной харизмой Иисуса и Павла; возможно, дело было в том, что в начале нашей эры человечество стало уставать от язычества; назрела потребность в монотеизме.

Вернемся к Булгакову. Конечно, писатель мог не знать значения имени, которое использовал; даже мастер, который должен был быть образованнее автора, мог этого не знать. Но мастер не был теологом; он стал писателем. Поэтому изменение имен персонажей в его романе стало элементом десакрализации. Перед нами не еще одно самодельное Евангелие (вроде сентиментальной ренановской болтовни), а именно фрагменты исторического романа. Но они не существуют в «Мастере и Маргарите» сами по себе, они соотносятся с действием романа, в котором мастер сам только персонаж. Десакрализация священного приводит к сакрализации изначально профанного: сакрализуются за счет романтизации (трижды романтизации...) человеческая любовь и человеческий талант, сакрализуется культура в противоположность антикультуре, которую в массы несет «образованный» Берлиоз. Михаил Александрович, как всякий паразит, «творит» не сам, а с помощью талантливого представителя этих самых масс. Конечно, буквальная реконструкция поэмы Бездомного невозможна (Булгаков не приводит ни одной строчки, только частично пересказывает содержание), но ясно, что это должно было быть анти-Евангелие. И повествование Воланда, совпадающее с текстом романа мастера (что показывает родство и даже единство творчества и вечности), поворачивает его к культуре — пусть кривым и трудным, но верным путем. Бездомный из плохого поэта становится хорошим историком; он продолжает дело учителя — мастера. И пожалуй, его в московской реальности как раз можно назвать Вар-равваном — сыном учителя нашего, хотя Булгаков и не знал значения этого имени. Учитель — на покое, а Иван Николаевич выпущен в этот мир вместо него.

⁵ Иерусалим, 1967.